

Культурные и идеологические факторы регионализации

В.В. Постников

"Казанская история": к вопросу об идеологических основах восточной политики России**"The Kazan story": to the question on the ideology of eastern policy of Russia**

Рассматривается содержание "Казанской истории" как идеологического произведения и его связь с восточной политикой России XVI – начала XX вв. Выделяются мотивы и образы территориальной экспансии Московского царства. Делается вывод, что "Казанская история" представляет восточную политику России как естественную часть ее истории, в связи с образованием и ростом Российского государства.

The content of "The Kazan story" as an ideological product and its connections with the eastern policy of Russia XVI – the beginning of XX centuries is considered. Motives and images of territorial expansion of Moscow kingdom are revealed. The conclusion is done, that "The Kazan story" represents the eastern policy of Russia as a natural part of its history, in connection with formation and growth of the Russian state.

Для исследователей истории восточных регионов России "Казанская история" (КИ) должна представлять особый интерес. Это одно из первых историко-политических произведений, в котором провозглашен восточный фронт российской внешней политики. К примеру, если сравнить КИ с произведениями, связанными с темой "стояния на Угре", становится очевидным, что в похожей ситуации борьбы с татарскими ханами не наблюдается соответствующего смысла, звучат мотивы нерешительности, избавления и защиты, а не наступления и доминирования. Это сравнение показывает необходимость изучения КИ. В данной статье автор ставит задачу представить содержание КИ и определить, какое отношение она имеет к восточной политике России.

История и сюжет произведения. КИ написана предположительно в 1564 – 1565 гг. и рассказывает о борьбе русских князей с татарскими ханами от Батыева нашествия до Казанского взятия 1552 г. КИ следует отличать от других произведений литературы Московской Руси, которые повествуют о взятии Казани: оно выделяется своим идеологическим и беллетристическим характером. Многие факты в нем представлены искаженно и тенденциозно, есть мифологические отступления. Но именно этим и интересна КИ: как идеологическое произведение, выражающее желаемое и представления, а не исторические факты¹.

---

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV – XVI в.). Часть 1. А-К. Л. 1988. С. 450-455.; Казанская история // ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 300-565, примечания на с. 601-624.; Казанская история (Подг. текста, вст. ст. и прим. Моисеевой Г.Н.). М.-Л., 1954.

Рассмотрим кратко логику произведения. Гл. 1-5 являются "преамбулой", в которой кратко рассказывается об истории отношений Руси и татар в XIII-XV вв. и представляется морально-этическое соотношение противоборствующих сил. Нашествие татар на Русь традиционно объясняется "божьей карой" и сравнением с пленением Израиля: "и была она порабощена более всех земель богомерзким и лукавейшим царем, и была отдана ему в наказание, так же как Иерусалим Навуходоносору, царю Вавилонскому, дабы тем смирилась"¹. Отмечается, что территория Казанского царства исторически является территорией Руси: "там, где стоит теперь город Казань, все то была единая Русская земля"². Особенно подчеркивается деятельность Ивана III, покорившего Новгород (то есть объединившего русские земли) и освободившего Русь от ордынской зависимости. Завершая краткую историю борьбы, автор КИ называет Москву Вторым Киевом и Третьим Римом, подчеркивая православные основания новой державы. В гл. 6-7 излагается миф об основании Казани царем Саином "на змеином токовище" в XIII в. В гл. 8-21 рассказывается о переменной борьбе московских князей с казанскими царями с 1395 г. до 1533 г., повествуется о двух взятиях Казани русскими войсками (в 1395 г. войсками Василия Дмитриевича и в 1487 г. Иваном III) и сложных интригах между Москвой и Казанью. Гл. 22-81 – основная часть КИ, где рассказывается о трех попытках взять Казань Иваном IV, и о полной драматических подробностей борьбе с казанскими царями Сафа-Гиреем и Едигером. С 82 по 101 гл. описывается победа, в которой имеет значение последовательность символических действий: взятие в плен казанского царя, собирание убитых и ритуальное очищение города, въезд царя в Казань и благодарение Богу, поставление архиепископа для Казани, послание в Москву вести об успехе кампании и возвращение царя в столицу, его общение с митрополитом Макарием, пиршество, крещение казанского царя, высокая оценка деятельности Ивана IV, который "трудился ради общего мирского благополучия, ради благосостояния святых церквей и порядка земского, и тишины для всего православного христианства"³.

Мотивы и образы "Казанской истории". События российской истории и действительности представляются в контексте христианской мифологии и соотносятся с библейскими. Мир в КИ представляется разделенным на потомков Иакова и Исава – на христиан и агарян (измаильтян), между которыми происходит непрерывная моральная и вооруженная борьба. Соответственно, главная антитеза произведения – "христианство – басурманство" (последнее в КИ приравнивается к язычеству), а не национальные, географические, или другие характеристики. Иван Грозный и русские силы в борьбе с татарами сравниваются с христианскими героями – Давидом, Иисусом Навином, Константином Ве-

¹ Казанская история // ПЛДР. С. 305.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 559.

ли-ким, др.: "И внезапно явилось ему, как некогда царю Константину, видение некое во сне, в котором показано было увиденное им место и повелевалось поставить там город на устрашение казанцам..."¹.

Общая логика КИ объясняется христианской эсхатологией: мир ждет Второе пришествие, и цель подготовки к нему – полная христианизация, которая происходит в три этапа: римский, византийский, и московский. Описываемые в КИ события представляются как исторический, решающий момент борьбы православных и антихристианских сил, после чего должно наступить торжество Третьего Рима – Москвы, и затем – предполагаемая эсхатологическая развязка. Этот контекст придает КИ особую актуальность для средневекового читателя.

Выделяются две главных идеи-мотива КИ: защита от врага и христианское мессианство. Главный смысл похода на Казань – защита от татарских набегов, сокрушение последнего оплота татарской опасности на востоке Русского государства²: "хочет он снова пойти на безбожную и поганую Казань, на злейших и неверных недругов своих – казанцев, как Елезван, эфиопский царь, ходил на омиритского царя Дунаса, жидовина, и отомстить за христианскую кровь..."³, "дабы снова не поработиться поганым, как было при царе Батые"⁴. Вторая основная идея КИ – борьба за распространение православия: "Хочу я утвердить православие, да воспоется вновь и прославится на века пресвятое и великое твое имя – Отца и Сына и святого Духа, басурманство же и веру их – истребить и до конца искоренить мечом их жертвенники"⁵. Тот же смысл звучит в молении Ивана Грозного Богородице перед решающим походом: "Прославь же, госпожа, и возвеличь христианское имя над всеми погаными, дабы уразумели и уверовали они, что сын твой и бог наш – царь и владыка над всеми народами..."⁶. Приведенные цитаты демонстрируют единство идей защиты и мессианства, что объясняется синкретизмом религиозно-политического сознания средневековья: защита приобретает религиозный смысл, а мессианство служит оправданием внешней политики.

Пространство в КИ также представлено в соответствии с сакральной географией средневековья. Например, географические единицы, как правило, соотносятся с Иерусалимом. Казанское царство представлено как благодатная земля, "богатое пастбищами для скота и пчелами, родящее всевозможные злаки и изобилующее плодами, полное зверей, рыбы и всякого житейского добра, – не найти другого такого места нигде на всей нашей Русской земле по красоте и богатству, с такими же угожьями, и не знаю, найдется ли в чужих землях"⁷. Надо полагать, эти утвер-

¹ Там же. С. 391. Др.: 457, 459, 307.

² Казанская история (Моисеевой Н.Г.). С. 10.

³ Казанская история // ПЛДР, с. 445.

⁴ Там же. С. 559.

⁵ Там же. С. 457.

⁶ Там же. С. 455, 537.

⁷ Там же. С. 315.

ждения отражают стереотипы средневековой литературы и фольклора о далеких благодатных странах на востоке и объясняются христианскими представлениями о востоке как о сакральном ориентире. Создается впечатление об особом эмоциональном отношении в КИ к восточному ориентиру, которое имеет религиозную основу, это демонстрирует "явление" святых апостолов и Николая Чудотворца перед штурмом Казани: "И обратились они на восток, и немного помолились, и раздался с неба голос с восточной стороны, обращенный к ним: "Господь услышал молитву вашу: будь же отныне благословенна эта земля и город этот и да прославится в месте этом имя мое, Отца и Сына и святого Духа"¹.

Важный мотив в характеристике земель Казанского ханства – это их историческая принадлежность Руси, что в КИ отмечается неоднократно².

Нужно отметить двойственность образа восточных земель, которые имеют также и негативные характеристики. Образ противника связан с образом змея – это самый частый мотив в характеристике врага. КИ создает впечатление, что Восток – это некая сакральная территория, которую нужно освободить от "поганых": "и вскоре новая Орда, земля плодородная и изобильная и, можно сказать, медом и молоком кипящая, была отдана во владение и наследство поганым"³. Эти утверждения образуют в КИ мотив возвращения и оправдания, восстановления исторической справедливости.

Представляет интерес, какие образы в КИ выражают борьбу Москвы с Казанью. Русским силам в борьбе с врагом помогают Богородица (многие молитвенные обращения, два храма), Сергей Радонежский (три чудесных явления, храм в Свияжске), Никола (два чудесных явления). Например, после постройки Свияжска в 1551 г. "поставили в нем деревянную соборную церковь Рождества пречистой богородицы, и построили внутри города шесть монастырей, в одном из которых – храм преподобного Сергия-чудотворца"⁴.

Наиболее часто упоминаемый образ помощи в КИ – Богородица. Это было традиционным проявлением культа Покрова⁵. Например, после взятия Казани "на площади возле царского дворца – возвели соборный храм Благовещения пресвятой владычицы нашей богородицы..."⁶. Выходя за рамки КИ, нужно вспомнить, что день решающего штурма Казани был приурочен к празднику Покрова, а в честь взятия Казани в Москве был построен Покровский собор (Василия Блаженного, 1555 – 1560 гг.) – весьма многозначное сооружение, изначально имеющее идеологически-репрезентативное значение. Таким образом, свою победу над Казанью Иван Грозный отмечал строительством богородичных храмов. Надо полагать, это символизировало принятие но-

¹ Там же. С. 499.

² Там же. С. 465, 301.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 23-62.

⁶ Казанская история // ПЛДР. С. 537.

вых территорий под "Покров" Богородицы, или, современным языком выражаясь, включение их в состав России. И в дальнейшем территориальное расширение России сопровождалось появлением новых богородичных икон (от Казанской до Порт-Артурской и др.).

Образ Сергия Радонежского был задействован в КИ потому, что в то время он был наиболее известным русским святым, этот образ символизировал русское православие, единство национальной и религиозной идей в борьбе с врагом. Образ Сергия изначально символизировал борьбу с татарами: известно, что он благословил Дмитрия Донского в поход на Куликово поле. Согласно преданиям, сама Богородица явилась Сергию и обещала ему неизменную поддержку. Сергей также известен как покровитель воинства, его образ неизменно сопровождает защитный и воинский культ в России с XVI в.¹

Образ Николая Чудотворца – известный в русской культуре религиозный и защитный символ, который не требует дополнительных объяснений. Наиболее наглядно его образ и функции в КИ представляет "Чудо святых апостолов и святого Николы: явление их..."². В дальнейшем "скорый в помощах" Николай стал особо популярен в Сибири в связи с экстремальными условиями восточного освоения.

Обращает внимание, что в произведении ни разу не упомянут такой известный "змеборец", как Георгий Победоносец. При этом важную роль в КИ играет Александр Македонский как образ защиты и победы, который автор статьи предлагает рассмотреть отдельно.

Имя Александра Македонского фигурирует в КИ не как эпизодическое упоминание, а как устойчивый элемент сравнения. Его имя упоминается в связи с важными, узловыми моментами произведения. Например, перед решающим походом на Казань царь устраивает торжественный молебен, в котором призывает на помощь Христа и многих святых, его благословляет митрополит Макарий, в результате чего "Царь же великий князь принимает святительское благословение, как от десницы небесного вседержителя, а вместе с ним – храбрость и мужество Александра, царя Македонского"³. Окончательная победа Ивана Грозного над казанцами сравнивается автором с известной победой Александра над "нечистыми" народами: "И звали его во всех странах могущественным и непобедимым царем, и боялись поганые народы приходить войной на Русь, слыша, что еще жив он, зная грозность его, как сыроядцы, самоеды, заточенные македонским царем Александром за высокие горы на самом краю Красного моря". При этом, когда автор КИ подводит морально-этический итог побед этих царей, он подчеркивает, что деяния Ивана больше по значению, т.к. он стремился не для собственной славы, а для бла-

¹ О жизни православных святых, иконах и праздниках (согласно церковному преданию). Авт-сост. Попова О.А. Свердловск, 1991. С. 17-20.

² Казанская история // ПЛДР, гл. 70.

³ Там же. С. 457.

га христиан¹.

Кроме прямых сравнений в произведении литературоведы отмечают заимствования из "Александрии", которые соотносят Ивана Грозного со знаменитым героем древности. В КИ передается легендарный факт о тайном участии Ивана в посольствах к казанцам – фрагмент по аналогии с эпизодом из "Александрии", где рассказано, как Александр явился на пир к Дарию подложно в качестве посла². Можно сказать, что сюжет КИ во многом подобен "Александрии", которая рассказывает о борьбе Александра с "нечестивыми" восточными царями, и, надо полагать, отчасти послужила прототипом для КИ.

Контекст образа Александра в КИ характеризует его следующим: 1. Александр понимается как один из героических образов христианских преданий и мифов. Он не является одним из святых (Богородица, Сергей, Никола), через которых происходит общение с Богом, а упоминается среди исторических и ветхозаветных героев, деятельность которых была угодна Богу. Его образ употребляется чаще, чем образы Давида и Константина Великого. При этом присутствует оговорка, намеренно снижающая характер образа. Источником сведений об Александре в КИ, надо полагать, были "Откровение Мефодия Патарского" и "Александрии"; 2. Александр представлен как наиболее могущественная личность прошлого, эквивалент политического могущества, чем и связано обращение к этому образу апологета Ивана Грозного. Понимание образа Александра как символа монарха, объединившего под своей властью "вселенную", было типично для средневековой культуры, поэтому он был актуален в идеологической литературе Московской Руси.

Образ Александра был задействован в КИ потому, что он объединял религиозные и политические мотивы в образе вселенского монарха. Так употребление образа Александра Македонского в КИ выражает идею оправдания войны с казанцами, но имеет не геополитический, а религиозно-политический смысл (победа над "неверными" и покорение язычников – "самоядцев").

Идеология "Казанской истории". Казанская тема в российской истории. Важно отметить, что "восточный" аспект КИ – не главный в произведении. Исследователи отмечают, что стержнем КИ является внутривосточный вопрос. Н.Г. Моисеева подчеркивает, что главный герой КИ – это Иван Грозный, его политические мероприятия, а завоевание Казани в представлении КИ – личная заслуга царя и его воинов. Причиной неудач, согласно автору КИ, во время походов отца, деда и прадеда Ивана были либо прямые измены, либо нерадивость князей-воевод. Так решение вопроса о безопасности России становится вопросом о характере власти, и сама КИ оказывается не столько "восточной декларацией", сколько оправданием самодержавия³. М.Б. Плюханова углубляет идею внутривосточного звучания КИ и

¹ Там же. С. 559.

² Там же. С. 622.

³ Казанская история (Моисеевой Н.Г.). С. 7-8.

предполагает, что казанское взятие представлено в произведении как символическое утверждение царского авторитета Ивана Грозного. Исследовательница утверждает, что КИ является компилятивным произведением, образцом для которого послужила "Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году", а Казань в КИ ассоциируется с Царьградом как легендарным "источником царения". Завоевав Казань – символический образ Царьграда, Иван становился владельцем сакрального политического авторитета, обретя "исток московского царения в живом царстве"¹. Внутриполитический аспект КИ подчеркивают время написания произведения и сам текст КИ: "и многие тогда глупые люди, или прямо сказать безумные и слабые духом, негодовали и роптали на самодержца своего..."². Также важным мотивом КИ было восстановление прежнего вассалитета Казани, наказание ее за измену, что звучало весьма актуально во время создания КИ.

Основные образы КИ (борьба православия и ислама) предлагают рассматривать ее идеологию в религиозно-политическом русле теории Третьего Рима. Для понимания КИ необходимо выйти за рамки произведения и посмотреть на его исторический контекст. Борьба с "презлым сарацинским царством", взятие Казани – столицы мусульманской державы – актуализируется, надо полагать, потому, что это была военная и моральная победа над исламом и воскрешение Константинополя в образе его преемника – Третьего Рима, символическое утверждение православной державы на международной арене и начало ее исторического действия. Нужно отметить, что до этого события не было крупных военных побед православных сил над исламскими, и победа Ивана воспринималась как выдающаяся. Вероятно, с этим связана драматизация событий в КИ, представление казанской кампании как эпического действия, которое должно вызвать ассоциации исторического, "библейского" масштаба, поскольку речь идет о гибели и рождении "Царства". В этом смысле КИ действительно напоминает "Повесть о взятии Царьграда...", но вывернутую наизнанку. Подобные идеи выражает известная русская икона середины XVI в. "Церковь воинствующая", которая изображает движение христианского мира во главе с Константином Великим от горящего "земного града" к "граду небесному". Итак, победа над Казанью представляется в КИ как утверждение Третьего Рима. Теория Третьего Рима прямо излагается в КИ: после того, как Москва очередной раз потеряла власть над Казанью, Иван Грозный собрал совещание со своими боярами, где изложил идею величия русской власти, историю отношений русских князей и византийских императоров, перенятие от них русскими князьями царского авторитета и мессианской функции³. После этого собрания происходит основное событие произведения – взятие Казани. Именно оно стало для Ивана точкой отсчета настоящего "Царства" – того, которому покровительствует Бог, благодаря чему оно

¹ Плеханова М.Б. Сюжеты и символы... С. 171-202.

² Казанская история // ПЛДР. С. 559.

³ Казанская история // ПЛДР. С. 443-449.

одерживает победы. В этом контексте становится понятным строительство Покровского собора – символа перехода Покрова на Москву, а также общий сюжет, образы и смысл КИ – утверждение царского авторитета, который Иван принял в 1547 г., но который нужно было обосновать. Также становится понятным начало Ливонской войны – стремление утвердиться во вселенском масштабе, а не только на восточном направлении, и вся дальнейшая политика Ивана Грозного. Таким образом, в русле развития идеи византийского наследия Казанское взятие действительно стало "источком царения" для молодого Российского государства.

Особое значение взятия Казани демонстрируют широко известные исторические раритеты. Представленный контекст объясняет на первый взгляд курьезные для Московской Руси названия таких известных символов царской власти, как Шапка Казанская и икона Казанской Богородицы. Надо полагать, обозначение "Казанская" указывало на авторитет Москвы как победителя "неверных", богоизбранного "Царствующего града", выражало идеи исключительности религиозно-политического авторитета Москвы и божественного покровительства ей.

Для понимания КИ важно понять ее историю как литературного произведения. Известно, что КИ сохранилась в значительном количестве списков конца XVI-XVIII вв. (более 260), наибольшее количество которых относится к XVII в. История редакций КИ показывает, что ее в большей степени нужно считать произведением литературы XVII в.¹ Соответственно, идеи КИ были актуальны в то время и влияли на политический образ мыслей россиян XVII в. – времени складывания основной территории России и активизации ее внешней политики. При этом можно предположить, что если во время создания КИ, во второй половине XVI в., ее идеи были актуальны в прямом смысле, как выражение борьбы с татаро-мусульманским миром Поволжья и Западной Сибири, то далее, в XVII в., идеи КИ воспринимались как устоявшаяся традиция, как общее оправдание стремления Третьего Рима к доминированию. Иными словами, в начале своего бытования КИ понималась в конкретно-прикладном смысле как необходимое доказательство религиозно-политического авторитета Москвы, а в XVII в. она стала образно-теоретическим выражением доктрины Третьего Рима, образом Московского царства в целом. Надо полагать, для читателей и книжников XVII в. КИ демонстрировала сакральный авторитет Москвы как наследницы Царьграда и представила ее историко-политический образ. Поэтому ассоциации с КИ могли возникать в приложении и к другим военным конфликтам и регионам.

Перейдем к основному вопросу статьи: является ли КИ идеологическим обоснованием дальнейшей восточной политики России? Нужно отметить, что КИ по своему содержанию значительно шире определения "идеология восточной политики России". Она является произведением, утверждающим идеи богоизбранности

¹ Словарь книжников и книжности... С. 450-455.

Москвы. Территориальный вопрос в КИ является вторичным, т.к. речь шла главным образом о религиозно-политическом авторитете, соответственно, прямая связь между идеологией КИ и восточным направлением внешней политики России отсутствует. Однако нельзя и преуменьшать связь КИ с дальнейшим восточным движением России. Утверждение теории Третьего Рима дало идеологические основания для территориальной экспансии России. Наиболее успешно продвижение России происходило на восток, в сторону Поволжья и Сибири, что объясняется, надо полагать, наиболее благоприятными условиями освоения восточного "фронта", а не его заданностью и "избранностью". Тем не менее, в дальнейшем восточном движении России XVII-XIX вв. наглядно проявились мотивы КИ – мотивы утверждения власти Третьего Рима: идеи защиты и мессианства, восстановления исторической справедливости, мифологический образ Востока, идея Покрова Богородицы, культ Николая Чудотворца, образ Александра Македонского, которые придали сакральное "звучание" истории освоения российского Востока. К примеру, в "Истории Сибирской" (около 1690 г.) С.У. Ремезов оправдывает сибирское взятие безусловной необходимостью христианского просвещения Сибири, рассказывает о борьбе с Кучумом, приводит легендарное явление Св. Николы Ермаку, упоминает Богородицу и другие православные образы. Позднее он же, для обоснования прав России на дальневосточные земли, утверждает о появлении Александра Македонского в Приамурье. Вероятно, употребление этих образов связывается не с предварительным оправданием российского освоения Сибири, а с логически следующим за этим освоением конфликтом государственных интересов России и ее соседей, а также с осознанием исторического смысла восточного движения как мессианства, что соответствует сценарию КИ. В случае освоения амурских земель это был конфликт с империей Цин, который сопровождался соответствующими мотивами и образами. Эти же мотивы проявились в некоторых вариациях в южном и западном направлениях российской внешней политики. Иными словами, они не являются принципиально "восточными". Это были мотивы российской идеологической традиции в целом, демонстрирующие утверждение власти Третьего Рима.

Таким образом, в КИ отсутствуют геополитические идеи восточного освоения в их прямом понимании, вместо них актуальна "православная геополитика" – имперская теория Третьего Рима. КИ представила образ Московского царства в целом, провозгласила его главные ценности: православие, самодержавие, и его историческую роль – мессианскую борьбу. Москва представляется как возрожденный в борьбе с "неверными" Царьград, ведущий мир к спасению, как "борящееся", стремящееся за свои пределы государство. Победа над Казанью подразумевает в КИ два аспекта: религиозно-политический и территориальный. Это был двуединный мотив, в котором религиозно-политический авторитет утверждался в сочетании с территориальным приращением. Так КИ представила актуальную для российской истории модель от-

ношений внутреннего (своего) и внешнего мира, в которой мир внешний осваивается и интегрируется в "Царство". В этой логике заключалась важная предпосылка будущего пришествия российской культуры и государственности на Дальний Восток и создания Российской империи в целом. Несмотря на различие основного смысла КИ и понятия "восточная политика", освоение Дальнего Востока шло по сценарию КИ: христианизация и утверждение самодержавной власти российских царей. В этом отношении образы и мотивы КИ выражали идеи восточного движения России и приобщения восточных регионов Евразии к православному универсуму Третьего Рима. Таким образом, оправдание расширения России на восток является частью основного смысла КИ.

Изучение КИ подводит к одному из важнейших в российской истории вопросов о причинах непрерывного территориального расширения Российского государства с XVI в. КИ послужила идеологическим выражением, а возможно, и одним из действующих факторов, этого исторического процесса. Данная статья представляет предварительные выводы, сделанные в связи с научными изысканиями автора. Образная структура и содержание столь значимого произведения, как КИ, безусловно требуют в дальнейшем более тщательного и специального изучения.

